

КАНДИДАТЫ НА... УВОЛЬНЕНИЕ

как не надо понимать трудовую дисциплину в музыкальном театре

— Вы не первый год в театре. Если певца постыдная, есть опасность, что она повредит голос? — спросила я.

— А как же на гастролях в Горьком?

Заслуженный артист Карельской АССР В. Матвеев помолчал, а потом сказал:

— В тот деньшло два спектакля. «Баядера» — по телевидению. И «Баядера» — на сцене. Петь партию главной героини — опереда Нина Бошнина. Но она была на бюллетене и петь, как ни просили ее, отказалась. Нина у меня тогда была больна. Мы с ней посоветовались... И Валя решила петь оба спектакля... В нашем театре не принято их отменять...

Голос певца. Сколько радости, очарования может принести он тысячам людей. Дар природы. Итог многолетней учебы и труда. Как надо его беречь!

— Недавно, — вспоминает заслуженная артистка Карельской АССР Р. Сабирова, — главный дирижер театра Валло предложил мне партию Чирпы в «Цыганском бароне». Я отказалась: эта партия не для моего голоса. Я могла повредить его. Валло настаивал. Очень резкий пронозис между нами произошел. Потом оба постыли. Перебрались порецировать. Л. Балло сказал: «Да, вы правы...» Приходилось ли мне выступать на сцене театра больной? Да... К сожалению... Знаете, мы с мужем в этом театре много лет... Многого повидали...

Солстка-вокалистка Нина Алексеевна Рошина и ее муж актер Иван Иванович Волчков в Петрозаводском музыкальном театре сравнительно недавно потеряли голос. Руководство театра пригласило их из Минска.

«Уважаемая Нина Алексеевна! — писал главный режиссер театра М. Утикеев. — Мы до сих пор не ведем ни-

каких переговоров с другими актерами и ждем только вас...»

«Непонятно ваше молчание, — писал телеграммой в Белоруссию директор С. Звездина. — Просьба телеграфировать выезд...»

Театр брал Нину Рошину на положение ведущей солистки, основной героини. Брал не потому, что школьной самой, а вкритису, в репертуаре которой прочно утвердились главные женские роли во многих классических и советских опереттах.

Радость премьер на новом месте знакома и начинающему, и опытному актеру. Все шло прекрасно. «Просим таифицировать Рошину, — писали из Карелии в Москву, — как солистку высшей категории».

Незамотно наступило лето. На гастролях я неосознанно простудилась, — рассказывала Нина. — Врачи не разрешили мне петь около трех недель. Очень переживала. Меня успокаивали: «Все мы люди, с каждым может случиться».

В те дни с оценкой гастрольей Петрозаводского музыкального театра в Свердловске выступил «Уральский рабочий».

«Вокальная культура театра, — утверждала областная партийная газета, — составляет желать лучшего. Настоящих вокалистов в театре очень мало, и это бесконечно снижает уровень спектаклей... Солисты и хор часто расходятся с оркестром... Большой легкости, точности фразировки, тонкости нюансов и просто аккуратности хочется пожелать оркестру... Певца Р. Сабирова не следует считать колоссальной талантом вальсов Штрауса... Слабо прозвучала у В. Красильникова вокальная партия Раджамы в «Баядере»... Нам показалось, что все спектакли, за исключением, пожалуй, лишь «Роз-Ма-

ри», не имеют точно направленного, интересного, «сегодняшнего» режиссерского замысла. Это сказывается и на качестве актерской игры»...

Мимо такой критики не пройдеши. В поисках виновных руководство театра почему-то решило сосредоточить все огонь на Рошине. Срочно собранный в Нину Рошину художественный совет попросил дирекцию по инициативе М. Утикеева и Л. Балло «рассмотреть вопрос о возможности дальнейшей работы артистки И. Рошиной в труппе». Заодно было высказано мнение, что и артист И. Волчков, муж Рошиной, не представляет интереса для театра.

Финансовый план прежде всего. Такова в этом театре многие годы установка. Если хотите, неписаный закон.

Актриса В. Матвеева в больном состоянии два раза подряд исполняет главную партию в «Баядере», когда с. Матвеевой, по существующим законам и правилам, даже говорить-то громко было нельзя. Честь и хвала Матвеевой. Не подвела коллектив! Выручила театр!

И об этом, ничуть не смущаясь, говорит во всеуслышанье ведущая труппа А. Яковлев — правая рука директора по дисциплинарным вопросам.

Да два лет на сцене, будучи больным, солист В. Красильников. И с доски объявлений театра в течение многих дней не снимается после этого «подвига» приказ директоры С. Звездина: «За высокозначительное отношение и работу объявить заслуженному артисту Карельской АССР В. Красильникову благодарность с занесением в трудовую книжку»...

Пусть все это в ущерб качеству спектаклей. Пусть в ущерб голосу — самому дорогому, что есть у певцов и

певщи. Пусть. Ведь формально их никто вроде бы не заставляет... Ведь это они сами... Вот только пусть подольше повисит на доске объявлений приказ. Пусть почитают новенькие, молодые. Пусть наберутся разума...

А бывало и так, как рассказывал мне заслуженный артист Карельской АССР В. Матвеев:

— Вызывает к себе наш директор Сергей Петрович Звездина: «Болной?» — «Да». — «Сможешь?» — «Смогу». — «Молодец!»

Вот так... А тут Рошина со своим бюллетенем во время гастрольей. Не подходит такая партия. Для труппы балласт!

И вообще. Разговаривают с ней о новой роли. А она отказывается: «то-де партия не свойственна моему голосу и амплуа. Голос свой повредить опасается».

С открытием театрального сезона в Петрозаводске Нину Рошину фактически лишали работы на сцене. О том, что ее звали в труппу на положение основной лирической героини, теперь уже никто даже не вспоминал.

В Москву спешно отправили новую бумагу. И. Рошина стала недостаточной личностью, неадекватной музыкальной, малоувлажненной и перестала владеть ярким сценическим слогом. Получив этот «документ», даже выдавшие виды специалисты Министерства культуры РСФСР возмутились: «Да что они там? Вчера просили установить высшую категорию. А сегодня... Нет, так дело не пойдет»...

Все-то в министерстве помнил Нину Рошину еще выпускницей ГИТИСа. Кто-то, просматривая по долгу службы прессу, наталкивался на добрые слова об этой актрисе в газетных рецензиях. Их было немало.

Еще в Москве я слышал: — Звездина — директор

крепкий. Умеет считать деньги.

— Он умеет заставить людей работать в поте лица, — сказал мне министр культуры Карелии Л. Колмовский. — Правда, чрезвычайно прямолинейн в отношениях с ними. Поправляем...

Заслуженный артист РСФСР Павел Андреевич Паровишник, законно ходил по комитете.

Нельзя, нельзя подчинять творческую жизнь в театре интересам кассы. Вы скажете, есть художественное руководство. А если авторитета у этого руководства не хватает? Художественный совет. А если и там царит личный вкус директора?

Он сел, нервно закурил.

— В свое время мне пришлось быть в театре секретарем партийной организации. Думал, многое смогу изменить. Не удалось. За себя сегодня обидно. За молодежь, что приходит в театр. Да одна история с Зольниковой чего стоит...

Историю эту я уже знал. Трудно умолчать о ней сейчас.

Нелли Зольникова закончила с отличным отделением музыкальной комедии ГИТИСа у профессора Б. Поляковского. Но волею — профессора Д. Белаваского, Звездина, в музыкальном театре Петрозаводска, села ведущие партии. Получила диплом Всесоюзного смотра молодых артистов. Петя любила. Пела много и безотказно. Пела, имея на руках больничный лист. Пела, нарушая охранную норму. Особенно на гастрольях. Только бы не был отменен в театре личный спектакль. Только бы не ушли деньги из театральной кассы.

В театре ее, вчерашнюю студентку, за это очень хвалили. Поручали «в интересах театра» петь партии, не свойственные ее голосу. И она верила, когда ей говори-

ли, что это не повредит ему.

Несчастье случилось во время гастрольей в Толятти. Шел «Поцелуй Чаниты». Она играла Анжели. Перед спектаклем подошла к главному дирижеру Л. Балло: «Я очень плохо чувствую себя сегодня. Снимите арию, прошу»...

Прямо на сцене у меня произошло сильное кровоизлияние в сыянку.

Главный режиссер М. Утикеев подписал акт: «В связи с производственной необходимостью приходилось много раз работать в больном состоянии...» Требовалось длительное лечение. Об этом предупредили врачи. Но долго болеть — подвести театр. Вскоре ей опять пришлось выйти на сцену. И снова кровоизлияние. Еще сильнее.

Лечилась на юге. С голодом все пошло на лад. Но когда вернулась, Балло и Утикеев предложили покинуть театр, уйдя из него по собственному желанию. Теперь она была неуженой, чужой. Вместо приветствия она всходу слышала от директора театра Звездина: «Когда подадите заявление?». Пошла к министру культуры Карелии Л. Колмовскому. Просила в музыкальном театре хоть маленькую роль. Поддержки не получала. А Звездина стал почти каждый день вызывать к себе в кабинет. Грозил, что все равно избавится от нее...

— Боретесь дальше, как Нина Рошина, — говорил Нелли Ивановна Зольникова, — у меня не хватило ни физических, ни душевных сил. Только что Звездина сказала: «Нелзя, Сергей Петрович, так относиться к людям. К их душам. Нельзя выполнять финансовый план так ценой».

В конце прошлого года дирекция обратилась в местном с просьбой дать санкцию на увольнение И. Рошиной и ее мужа И. Волчкова.

Пять раз собралась мест-

ный комитет. Даже из протоколов месткома видно, какой нажим был оказан, как пользовалась дирекция тем, что многие члены месткома просто не знали основ трудового права.

Без сходы вспоминаю о деле Рошиной и Волчкова секретаря партийной организации двух театров — музыкального и драматического — актера, драматического артиста РСФСР Б. Хотянов:

— Я их почти не знаю. В партийном они не обращались. И я лично их делом не занимался.

Каково же было мое удивление, когда, читая протокол художественного совета музыкального театра, я увидел, что Б. Хотянов — он же и председатель местного отделения ВТО — на этом совете заявил: «Рошина и Волчкова — первые кандидаты на сокращение». Вот ведь. И не занимался лично. А руку, как говорит, приложил. Даже не зная, что увольнять сразу двух кормильцев в семье нельзя. А ведь, занимаясь столько лет такие посты, должен был бы знать. Обязан...

Стоит ли после этого удивляться на своем пятом заседании члены месткома медленнее поднимали руки за увольнение актрисы И. Рошиной? Не сомневаюсь. Народный суд восстановил ее: никакого сокращения штата в театре не было.

Трудным был последний разговор с директором театра С. Звездинам.

— Уэзуратором собираюсь меня изобразить. Притеснителем актеров.

Я понял: он словно не слышал совета, который дали ему одамы коммунисты на партийном собрании. «Быть ближе и душевнее к коллективу. И к людям в отделимости».

К. АЛЕКСЕЕВ,
наш спец. корр.
ПЕТРОЗАВОДСК.

Соб. сообщ. из Петрозаводска 22.08.1976